

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 5, 1974 сентябрь — октябрь

В номере:

К 250-летию Академии наук СССР

Ф. П. Сороколетов. Русская академическая лексикография советского времени 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 160-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова

А. Д. Жижина. Призыв к борьбе («Дума» Лермонтова) 12
А. И. Журавлева. Поэтическая проза Лермонтова 21
В. И. Митрохина. «Грушницкого страсть была декламировать...» 28
Т. А. Недосекина. Поэма «Последний сын Вольности» 31
В. С. Краснокутский. «Арзамасский язык» в письмах Пушкина 35
М. П. Тоболова. Ударение в стихах 42
Т. М. Колядич, З. В. Удонова. Язык и стиль Николая Островского 48
Интервью с режиссером Марком Донским и актером Алексеем Локтевым 53

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Беседы о русском произношении 60
И. Ф. Протченко, В. В. Лопатин. Новые олимпиады 64
И. С. Улуханов. Словообразование путем замены морфем 74
И. С. Козырев. О названиях жителей 81

СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

О. Д. Кузнецова. Словарь олонекского наречия
Г. И. Куликовского 86

«АРЗАМАССКИЙ ЯЗЫК» В ПИСЬМАХ ПУШКИНА

В эпистолярном наследии А. С. Пушкина есть необычное черновое письмо от 20 сентября 1820 года, адресованное к членам литературного общества «Арзамас». Это письмо нельзя растолковать, не зная традиционного словаря и своеобразия речевых форм шуточных арзамасских заседаний.

П. А. Вяземский в 1853 году вспоминал, обращаясь к Д. Северину: «Меня очень обрадовало, что стихи мои нашли в тебе арзамасский отголосок... К[нязь] Михаил Петрович рассказывал, Гумбольд уверял его, что некоторые древние диалекты, совершенно исчезнувшие между людьми, сохранились отчасти только у попугаев в лесах Нового Света. И мы с тобою, да с Блудовым, да пожалуй с Уваровым, принадлежим к этому племени попугаев. Для других наша речь, наши воспоминания, шутки, сегования — тарабарская грамота...» («Русская старина», 1896, № 1).

Арзамасская речевая традиция сравнивается с «древними диалектами», непонятна для постороннего лица («тарабарская грамота»), оказывается уже растворившейся в людях и истории. Это происходило потому, что арзамасское слово было иносказательным, постоянно заключающим скрытые намеки. Оно могло быть то емким понятием и даже символом, то условным сигналом и обычно жило как образное и пародийное.

Все это и нашло выражение в коротком письме Пушкина к арзамасцам: «В лето 5 от Липецкого потопа — мы, превосходительный Рейн и жалобный сверчок, на лужице порода Кляпинева, именуемой быком, сидели и плакали, вспоминая тебя, Арзамас, ибо благородные гуси величественно барахтались пред нашими глазами в мутных водах упомянутой речки. Живо представились

им ваши отсутствующие превосходительства, и в полноте сердца своего положили они уведомить о себе членов православного братства, украшающих берега Мойки и Фонтапки» [цитируется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1937—1949].

Традиционные арзамасские прозвища *Сверчок* (А. С. Пушкин) и *Рейн* (М. Ф. Орлов) так же, как и классическое арзамасское летосчисление (оно велось со дня премьеры комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», послужившей ближайшим поводом организационного создания «Арзамаса») особых вопросов не вызывают. Но в чем смысл самого послания? Причем здесь «лужица города Кишинева, именуемая быком»?

В послании заключен некий образ. Он ощутим, но загадочен, закрыт. Все становится на свои места, когда открывается значение образа лужи в арзамасском словаре. В письме К. Н. Батюшкова П. Вяземскому от 4 марта 1817 года говорится: «Сказки, что делается на Парнасе, то есть, в луже?». Лужа оказывается поэтическим материком. В протоколах Общества есть и другое употребление этого понятия. Отмечено, что *Ивиков Журавль* (прозвище арзамасца Ф. Вигеля) окунул «нос свой в беседную лужу» («Арзамас» и арзамасские протоколы. Л., 1933). Здесь имеется в виду «Беседа любителей русского слова», которую постоянно высмеивал «Арзамас».

Итак, лужа непосредственно ассоциировалась с Парнасом и «Беседой» и означала их нарочитое снижение. Пустые стихотворные опусы, по арзамасским представлениям, буквально заполнили Парнас и невежественную «Беседу». Но галиматийное сопоставление идет дальше, переносится в арзамасскую вотчину. Казалось бы, все просто: в Кишиневе есть река Бык. Однако название лужицы *Бык* включает новую устойчивую ассоциацию. *Быком* прозвали в придворных апартаментах арзамасца В. А. Жуковского. Послание живет в намеках. *Благородные гуси* — иносказательный намек на членов «гусятника» — «Арзамаса», а за названием *православное братство* скрывается шуточная арзамасская мысль, будто арзамасцы все праведники, а члены «Беседы» чуть ли не бусурмане. Однако иносказание этим не ограничивается. Сам образ лужи был знаменит и общеизвестен среди современников Пушкина. Он восходит к нашумевшему произведению А. Н. Нахимова «Песнь луже». Славословие луже уморительно: оно нарушает обычные представления о мире. «Мутная вода» лужи оказывается «нектаром». Лужа становится символом мира, потерявшего мерил и ценности и обретающего дурман и хаос. Арзамасское послание Пушкина перерабатывало,

Список избранных из Арзамаса.

1	Арзамас		
2	Армагеддон	111111	7 +
3	Армагеддон	1111	7
4	Армагеддон	11111	6 +
5	Армагеддон		
6	Армагеддон		
7	Армагеддон		
8	Армагеддон		
9	Армагеддон	111111	7
10	Армагеддон	111111	7
11	Армагеддон		
12	Армагеддон	11	2
13	Армагеддон	1111	4
14	Армагеддон	1	1
15	Армагеддон	111111	6 +
16	Армагеддон		
17	Армагеддон		
18	Армагеддон	11111	6
19	Армагеддон		
20	Армагеддон		

Список арзамасцев. Листок из протокола «Арзамаса». Автограф В. А. Жуковского

пересмыслило литературные реминисценции. Упоминание о Липецком потоке должно было вызывать представления о водной стихии, а на самом деле тут же комически подменяется в письме образом все той же «мутной воды» лужицы.

Письмо Пушкина по существу повторяет арзамасские смехотворческие опыты, но именно в этом как раз и заключается ложная особенность семантики арзамасского слова, которое при внешнем однообразии — одни и те же темы, понятия, образы — постоянно обогащалось новыми оттенками значения.

На шуточных заседаниях Общества даже специально рассматривалась проблема синонимов арзамасского словаря. Члены Общества, рассуждая об изваяниях кумиров «Арзамаса» и «Беседы», первых называли *истуканами* (подчеркивалась их величественность, монументальность), а вторых — *болванами* (обнажа-

лась вся нелепость авторитетов, почитаемых беседчиками), В протоколах заседаний сказано: «Сия противоположность истуканов и болванов подала повод к рассуждению о синонимах нового рода».

Арзамасцы говорили о различных оттенках близких по значению слов. Д. В. Дашков напомнил об «Азарте и Запальчивости», С. Уваров — о «глазах, очах и буркалах». Особенно же порадовал собравшихся Ф. Вигель: «...Он изобрел множество новых своих синонимов, которых никто не подозревал, и уверял между прочим, что надобно говорить: Живот Старушки, Брюхо Пустынника и Пузо Эоловой Арфы. Все арзамасцы дивились тонкости сего отличия».

Старушка, Пустынник, Эолова Арфа являлись арзамасскими прозвищами соответственно С. Уварова, Д. Кавелина, А. Тургенева. Что именно имел в виду Ф. Вигель, создавая «свои синонимы», в протоколах заседаний с определенностью не указано. Но можно с достаточным основанием предположить, что шуточные различия традиционно были связаны с прозвищами членов Общества, пародийно заимствованными из баллад Жуковского. Об арзамасской *Старушке* вежливо говорилось как об особе женского пола. Прозвище *Пустынник* шутливо намекало на важность аскетического образа жизни, отсюда и упоминание о брюхе выглядело особенно комично. *Эоловой Арфе* предназначалось по обычаю «бурчать» на заседаниях, пародируя музыкальный инструмент. Интересно, что в арзамасских протоколах говорится и об «утробе» знаменитого беседчика, драматурга Шаховского — своего рода намеки на его литературную плодовитость.

Иногда иносказательный смысл арзамасского слова оказывается безнадежно утраченным. Так, в написанном гекзаметром отчете Жуковского о 21-ом заседании «Арзамаса» рассказывается о символической свадьбе Грудня (славянское название ноября) с Зимой, а затем следует: «С свадьбы Изок [славянское название июня] принес два дождя, пять луж, три тумана». Славянизмы пародировали идеи и стиль сочинений вождя «Беседы» А. С. Шишкова и его соратников. Но что стоит за самим перечислением, какие намеки оно содержит, установить, вероятно, будет невозможно. Очевидно лишь, что перед нами конкретные намеки, а отнюдь не метеосводка.

В письме Пушкина Вяземскому от 3 августа 1831 года мы находим новый образец арзамасской речевой традиции. В письме цитируется шуточное послание Жуковского А. О. Россет-Смирновой. По мнению Пушкина, это было «чисто Арзамасское произведение». Предварительно он сообщает Вяземскому: «У Жуковского зубы бо-

лят, он бранится с Россети: она выгоняет его из своей комнаты, а он ей пишет арзамасские извинения гекзаметрами».

Затем Пушкин приводит, правда, с пропусками, несколько строк из послания Жуковского, как нельзя более близких арзамасской традиции. Приводим эти строки полностью:

...Милость вашу к себе заслужить? О царь мой небесный
Я на все решиться готов! Прикажете ль — кожу
Дам содрать с своего благородного тела, чтоб спать вам
Дюжину теплых калошей, дабы, гуляя по травке,
Ножек своих замочить не могли бы? Прикажете ль — уши
Дам отрезать себе, чтоб в летнее время хлопущей
Вам, усердно служа, колотили они дерзновенных
Мух, досаждающих вам неотступной своей любовью...

Извинения Жуковского стилизованы под ирои-комический характер арзамасских протоколов. Члены Общества говорили возвышенным слогом о предметах, не заслуживающих внимания, об откровенных пустяках. Их речи заключали в себе нарочитую бессмыслицу. Литературный опус Жуковского и был написан в духе арзамасской галиматии. Сам Жуковский отмечал в «Записке о Н. И. Тургеневе»: «Кто прочтет протоколы заседаний и речи членов, тот найдет в них совершенную галиматю, и действительно они были галиматеею».

В русской литературе «галиматю» использовали и раньше. Почетный арзамасец И. Дмитриев в 1803 году сочинил пародию-загадку о галиматее. *Любовь, душенька, сердце, связь* превращались в забавный, насыщенный алогизмами набор слов. Однако уже арзамасская галиматия создавалась и не без «веселого звука здравого смысла».

Арзамасская галиматия по существу являлась для той эпохи любопытной лабораторией языковых экспериментов.

Арзамасцы увлекались всевозможными забавными неологизмами, чаще всего составляя необычные сложные слова. Так, рассуждения беседчиков являлись «вздорословием», а их восторженное одобрение — «лапоплесканием». Арзамасцы, именуя себя, как это традиционно и значилось в кишиневском письме Пушкина, «благородными гусями» и «их превосходительствами», полагали почетным свое «первогусакство».

Для образования неологизмов использовались и приставки, и суффиксы. Шутливо очищаясь в водах Липецкого потока, арзамасец выходил словно обновленный, «расслепленный сухой водой». Вместо былого *о-слепления* наступало арзамасское своего рода *рас-слепление*. Неологизмом, образованным с помощью суффиксов, являлось, скажем, арзамасское слово *плакун*. *Плажунами* арзамасцы именовали постоянно оплакивающих свои невзгоды беседчиков.

Арзамасская галиматъя допускала смешение самых разнообразных речевых пластов. Совершался интересный творческий опыт синтеза разнородных языковых явлений, хотя внешне и откровенно шуточный, но внутренне значительный, отвечавший идее разрушения установившихся стилистических канонов, идее, вскоре во многом определившей и само существо пушкинской реформы литературного языка.

В протоколах Общества шуточные техницизмы (поэтический микроскоп; резервуар всего возможного самолюбия) соседствовали со старославянизмами, разговорно-бытовое слово (кряхтеть, оскопиться, конурка) могло находиться рядом с книжным, часто иноязычным по происхождению (баллотироваться, феномен), а грубое, близкое к площадному (кобениться) — рядом со светским.

Особое своеобразие арзамасской галиматьи составляли словосочетания, граничащие часто с парадоксом и становившиеся фразеологизмами. О Д. Хвостове говорилось как об «апостоле ничтожества и забвения» или как о «трудолюбивом батраке смерти». Самым необычным образом использовалось деловое и канцелярское слово. На шуточных заседаниях арзамасец мог заключать «контракт с судьбой». Диплом, врученный Обществом почетному арзамасцу Н. М. Карамзину, почитался «векселем на дружбу».

Иногда же в галиматье вместо традиционной парадоксальности появлялись нарочито близкие к тавтологии словосочетания типа *сладкие ласки*. В такой словесной игре расширялись и проверялись границы возможного словоупотребления.

Арзамасскому слову была свойственна экзотическая речевая канва. В. Л. Пушкина друзья называли *Богдыханом Арзамаса*, а П. И. Соколова, приверженца Шишкова, — *Сеидом Беседы*. Вступление в Общество уподоблялось «усыновлению» «Дневников американского путешественника» в журнале «Сын Отечества». Далекая ассоциация и неожиданная связь понятий («Сын Отечества» — Америка) делали выражение экзотически броским. Теперь становится ясным, что крылатые слова Пушкина об «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина: «Древняя Россия казалось найдена Карамзиным, как Америка Колумбом» — являются по существу плоть от плоти арзамасской формулой, ибо в них внешне далекое и неожиданное сопоставление оказывается привычно арзамасским и вполне соотнесенным в духе постоянных сближений и аналогий, столь характерных для Общества.

Традиции арзамасской галиматьи Пушкин продолжает в другом письме Вяземскому, недавно получившему звание камергера: «Услыша о сем радостном для Арзамаса событии, мы, царскосельские арзамасцы, положили созвать торжественное собрание. Все присутствующие члены собрались немедленно, в числе двух. Пред-

седателем по жребию избран г-н Жуковский, секретарем я, сверх. Протокол заседания будет немедленно доставлен Вашему Арзамасскому и Камергерскому превосходительству (также и сиятельству). Спрашивали члены: зачем Асмодей не является ни в одном периодическом издании? Секретарь отвечал единогласно: он статьи свои отсылает в Коммерческую газету без имени...».

Асмодей — арзамасское прозвище Вяземского. *Сверх* — своеобразный неологизм, вариант прозвища Пушкина. Себя и Жуковского Пушкин называет необычно — *царскосельскими арзамасцами*. Дело в том, что письмо Вяземскому было послано из Царского Села. Но это еще не все. Пушкин в данном случае обыгрывает и малоизвестное программное арзамасское положение: «Арзамас — всякое место, — на коем будут находиться несколько членов на лицо...». Таким образом, члены Общества под арзамасскими сходками понимали самые различные встречи друзей. Поэтому в разные времена существовал и московский «Арзамас», и варшавский, и лондонский, и греческий. Дашкову символично поручалось водрузить «знамя белого гуся» в Константинограде. П. Полетнка «провозглашал Арзамас под аркадами Пале-Рояля и в древнем Альбионе».

Обращение Пушкина к Вяземскому как «Вашему Арзамасскому и Камергерскому превосходительству» заключало скрытый парадокс. Понятие «арзамасский» в дружеском кругу всегда противопоставлялось понятию «придворный». Сам Пушкин в письме Вяземскому от 25 января 1829 года замечал: «Был я у Жуковского. Он принимает в тебе живое, горячее участие, Арзамасское — не придворное».

В духе арзамасской галиматии Пушкин обыгрывает в письме и логико-смысловые связи слов в числе. За внушительным заявлением («все присутствующие члены») полагалось бы подразумевать, по крайней мере, несколько арзамасцев, на деле же их оказывается только двое. Понятие «единогласно» предполагает решение, ответ никак не одного человека. Сообщение же утверждало, что «секретарь отвечал единогласно».

В письме Пушкина вновь оживает веселая словесная игра, насыщенная арзамасскими намеками и алогизмами. Знаменательно, что Пушкин сохраняет верность арзамасской речевой традиции спустя более десяти лет после его кишиневского послания к арзамасцам.

Арзамасское слово, или, как шутливо говорили арзамасцы, «лексикон ученых обществ», находило выражение и в художественных произведениях Пушкина (Городок; Тень Фонвизина) и, пожалуй, наиболее откровенно воплотилось в послании «К Жуковскому», заключающему своего рода энциклопедию арзамасских понятий.

В. С. КРАСНОКУТСКИЙ